

HISTORY OF THE EAST

Ethnology, Anthropology and Ethnography

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Этнология, антропология и этнография

Научная статья

Исторические науки

УДК 94[24+256](571.52+510)«12»

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-1-015-034>

Буддизм и шаманизм у современных тувинцев России и Китая: на примере народных культов и традиций

Баатр Учаевич Китинов^{1а}, Анастасия Геннадьевна Люлина^{2б}

¹ Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

² Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,

^а kitinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4031-5667>

^б alyulina88@gmail.com , <https://orcid.org/0000-0003-0634-8844>

Аннотация. Буддизм, именуемый *Сарыг шажын* (Желтая Вера) в Туве и среди тувинцев, – явление по-своему уникальное, будь то сказано в отношении их истории или современности. Он вобрал в себя фундаментальные религиозные положения и некоторую долю культурного наследия Тибета и Монголии, а также национальные традиционные верования, шаманистские, обладающие многовековыми основаниями; в свою очередь, тувинский шаманизм (известный как *кам / хам*) обогатился буддийскими практиками и формулировками. Особый интерес к современному взаимодействию буддизма и шаманизма у тувинцев РФ и КНР вызван тем обстоятельством, что эти духовные феномены по-прежнему имеют как раздельное, так и общее влияние на традиционные праздники и культы, и даже порождают аналогичные явления. В то же время культурно-страновые различия и определенные исторические предпосылки скорректировали их воздействие на традиции и общественные устои. В статье на примере основных праздников, обрядов и культов, оформления храмов показаны проявления традиционных верований, буддизма и шаманизма, в культуре современных тувинцев РФ и КНР; выделены общие и отличительные тенденции, синкретизм в развитии религиозных представлений; показаны исторические предпосылки и роль буддийских контекстов культуры. Как особый случай проекции религиозно-духовных представлений тувинцев, производное историко-культурного прошлого, сезонных и религиозных традиций, авторами изучены культы Субэдэя и Чингисхана. Эти культы следует воспринимать как надрелигиозные и внетерриториальные феномены, способные придать новые перспективы обществу и особый уровень коммуникации между общинами тувинцев в РФ и КНР.

Ключевые слова: тувинцы; буддизм; шаманизм; народные праздники; народные культы; Республика Тува / Тыва; Синьцзян; Канас; Чингисхан; Субэдэй

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Китинов Б. У., Люлина А. Г., 2022

© Ориенталистика, 2022

Для цитирования: Китинов Б. У., Люлина А. Г. Буддизм и шаманизм у современных тувинцев России и Китая: на примере народных культов и традиций. *Ориенталистика*. 2022;5(1):15–34. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-1-015-034>.

Original article
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-1-015-034>

History studies

Buddhism and Shamanism among Tuvans in Russia and China now: folk cults and traditions

Baatr U. Kitinov^{1a}, Anastasiya G. Lyulina^{2b}

¹ *Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,*

² *Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia,*

^a kitinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4031-5667>

^b alyulina88@gmail.com , <https://orcid.org/0000-0003-0634-8844>

Abstract. The Buddhist teaching referred to as *Saryg Shazhyn* (Yellow Hat Faith) on the territory of Tuva and among the Tuvans, has always been a unique phenomenon in their Old and modern history. It absorbed the fundamental religious principles and some of the cultural heritage of Tibet and Mongolia, as well as national traditional beliefs, shamanistic, with its old foundations. In its turn, the Tuvan shamanism (known as *kam / kham*) was enriched by unique Buddhist practices and formulations. The special interest in the modern interaction of Buddhism and shamanism among the Tuvans of the Russian Federation and the PRC is based upon the fact, that these spiritual phenomena still have both separate and common influences on traditional holidays and cults. At the same time, cultural and country differences and certain historical backgrounds have corrected their impact on the traditions and society of Tuvans. The article examines the influence of traditional beliefs, Buddhism and shamanism on the culture of modern Tuvans of the Russian Federation and China. It is based upon the sources such as the main holidays, rituals and cults, the design of temples. highlights the general and distinctive tendencies, as well as syncretism in the development of religious ideas. It also shows the significance of historical background and the influence of the cultural environment. As a special case of the projection of the religious and spiritual ideas, a derivative of the historical and cultural past of the Tuvans, seasonal and religious traditions, the authors studied the cults of Subutai and Genghis Khan. These cults should be considered as supra-religious and extra-territorial phenomena capable of giving new perspectives to society and a special level of communication between the Tuvan communities in the Russian Federation and the PRC.

Keywords: Tuvans; Buddhism; shamanism; folk holidays; folk cults; Republic of Tuva; Xinjiang; Kanas; Genghis Khan; Subutai

For citation: Kitinov B. U., Lyulina A. G. Buddhism and Shamanism among Tuvans in Russia and China now: folk cults and traditions. *Orientalistica*. 2022;5(1):15–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-1-015-034>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Введение

Буддизм и шаманизм являются важными маркерами в жизни тувинцев, чему посвящен целый ряд исследований. Однако стремительные перемены, наблюдающиеся у этого народа в культово-духовной сфере, особенно при сопоставлении их сообществ из разных стран, обуславливают необходимость их исследования с привлечением новейших данных. В частности, становится возможным эксплицировать вновь развивающиеся культы (феномены) как следствием уникальной истории и культуры народа.

Целью статьи является изучение особенностей буддийско-шаманистского взаимодействия на примере культов Субэдэя и Чингисхана, которые (культы) мы определяем как специфичный этап, ступень в развитии основных праздников, обрядов и культов, динамики общественно-политических реалий у современных тувинцев РФ и КНР. Задачи статьи: отметить основные особенности исторических обстоятельств формирования тувинского этноса; сравнить роль и значение буддизма (буддийских элементов) и шаманизма в отмечении основных праздников, в культовой практике и при оформлении буддийских храмов у тувинцев РФ (Республика Тува – РТ) и КНР (СУАР); определить содержание и значение культов Субэдэя и Чингисхана в религиозно-политическом и национальном аспектах.

Историко-культурологический характер статьи определил использование принципа историзма, так как изучение исторического события или процесса следует проводить не только в связи с общим контекстом рассматриваемого временного периода, но и принимая во внимание эволюцию собственно этого события или процесса. Авторы попытались подойти к изучению роли буддизма и шаманизма как в вертикальном аспекте религиозно-политических институтов, так и в горизонтальном аспекте историко-культурного развития тувинского общества. Такой подход к исследованию темы помог концептуализировать тенденции развития культов Субэдэя и Чингисхана.

Источниками информации стали академические издания и труды, интернет-материалы и свидетельства авторитетных лиц, материалы и исследования на русском, английском и китайском языках.

К работам, специально посвященным буддизму и шаманизму в Туве, относятся исследования М. В. Монгуш [1] и Г. Линдквист [2]. Религиозный синкретизм у тувинцев рассмотрен в монографии О. М. Хомушку [3], Работа М. В. Бавуу-Сюрюн посвящена социоллингвистической стороне жизни тувинцев в КНР [4], более широко китайских тувинцев изучают М. В. Монгуш [5], Ж. М. Юша [6]. Трудам российских авторов присуще внимание к деталям быта и жизни современных тувинцев, их религиозным представлениям, растущий интерес к зарубежным соотечественникам. Среди китайских исследователей, занимающихся культурой и религиозными представлениями синцзянских тувинцев, следует отметить Ли Юй [7], Чэн Шилана [8], Лю Цзе [9]. Китайские работы интересны своей описательной стороной традиций и не имеют выраженного критического настроения, имеющегося в аналогичных публикациях, относящихся, например, к тибетцам. Специальных исследований, посвященных сопоставительному анализу современных проявлений буддизма и шаманизма в культуре тувинцев России и Китая с указанной точки зрения, еще не проводилось. Один из авторов настоящей статьи имел возможность изучить духовные практики тувинцев в РТ (1998) и СУАР КНР (2004), некоторые из

наблюдений использованы в настоящей статье в части методологического обеспечения и конкретизации выводов.

Этнос и религия

Предки тувинцев упоминаются в древних китайских трактатах под различными этнонимами: 都播 *дубо*, 萨颜 *саянь*, 土巴 *туба*, 德瓦 *дэва*, 德巴 *дэба*, 秃巴 *туба*. Маршруты их миграций проходили к югу от Байкала и Енисея. Согласно распространенному мнению, современное название этноса *тува* (*тыва*) происходит от данных китайских вариантов, которые указывают на тюркское происхождение народа и на особенности территории проживания [7, p. 307]. В первые века нашей эры они оказались подчинены последовательно сюнну (匈奴), сяньбийцам (鲜卑) и жужаням (柔然), а около VI в. слились с тюркскими племенами. В период династии Тан (VII–IX вв.) предки тувинцев пребывали в составе Тюркского каганата, позже на их развитие значительное влияние оказали уйгуры. Далее их этническое своеобразие было обусловлено близким соседством с такими многочисленными народами, как монголы, а также соседи-тюрки: алтайские теленгиды, урянхайцы и др. Этот краткий экскурс в прошлое тувинцев необходим для определения ситуационного контекста: народ перманентно испытывал воздействие переменных внешних обстоятельств, находясь в пределах одного культурно-исторического региона.

Н. Ф. Катанов заключил, что по происхождению тувинцы являются смешанным народом: «...они составились из элементов тюркских, монгольских и самоедских и известны были под именем дубо в древнее время» [10, с. 3], а фонетика и морфология у тувинцев заимствована из тюркского языка [10, с. 18]. Влияние монгольского элемента отмечали В. Родевич, С. И. Вайнштейн и др. [11, с. 14–15; 12, с. 20]. По С. И. Вайнштейну, тувинский народ сложился в конце XVIII – первой половине XIX в. [13, с. 214], вероятно, к более раннему времени (около второй половины XVII в.) относится признание (укрепление) автоэтнонима «тува» [14, с. 142]. Образование тувинского народа происходило под влиянием внешних историко-политических обстоятельств, прежде всего – цинской системы управления, в чьи задачи входило и конструирование этнических категорий, общин и наций. Согласно П. Кроссли, этническая принадлежность возникает тогда, когда этнические категории переплетаются с другими идентичностями, особенно при наличии гибких географических границ; она указывает на цинского императора как центр конституирования идентичности подданных и формирования миропорядка [15, p. 64–79]. Гибкость этнической принадлежности зависела и от природно-культурных ограничений [16, p. 20], где была велика роль шаманизма и позже – буддизма.

Шаманизм традиционно занимал важное место в культуре тувинцев. Он является одной из наиболее консервативных идеологий и практик, способных адаптироваться к выживанию в различных социально-политических и культурно-религиозных условиях, что и доказал за свою многовековую историю. Специалисты не раз отмечали влияние на его практики богатого обрядового и культового потенциала буддизма. Такой синкретизм, взаимопроникновение существующих с древности религиозно-культурных традиций с пришедшими извне в гораздо более позднее время так называемыми мировыми религиями – часть общемирового процесса и встречается у многих народов. Однако формы проявления этого синтеза в каждом конкретном

случае зависят от множества этнических и культурных факторов, а также от особенностей исторического пути. В данной статье приводится ряд примеров взаимовлияния двух религий у тувинцев, как в России, так и в Китае. По А. М. Пятигорскому, буддизм оказал значительное воздействие и на шаманскую обрядность, и на содержание ролей шаманов: например, шаманки могли быть не только женами лам, но и выступать как тантрический партнер [17, р. 222], т. е. участвовать в закрытых буддийских практиках. О. М. Хомушку отмечает естественный характер формирования буддийско-шаманского синкретизма ввиду общности представлений о роли и месте человека в мире, о его связи с природой и предками [3, с. 20–23]. В частности, буддизм перенял от шаманизма поклонение *оваа* и культ защитников семьи *ээрэн*; в штате Хурээ (храма) были даже особые духовные лица – ламы-шаманы (*бурхан-боо*).

Ранние буддийские сооружения существовали в Туве еще в XIII–XIV вв. (скорее всего, они могут быть отнесены к уйгурскому направлению буддизма), последняя волна укрепления буддизма (учения Гелук) у тувинцев началась со времени их пребывания в составе Джунгарского ханства. Дальнейшее развитие буддизма у этого народа происходило уже после разгрома Джунгарии. Введение маньчжурами стандартной хошунной системы привело к необходимости подготовки соответствующих чиновников из тувинцев, которые проходили обучение в Улясутае и Кобдо на монгольском языке. Данное обстоятельство, в свою очередь, привело к усиленному проникновению к тувинцам монгольской культуры, в том числе и буддийской [18, с. 50–52, 54; 19, с. 111]. Как следствие таких процессов тувинская аристократия при поддержке маньчжуров проводила активную религиозную пробуддийскую политику¹, особенно это касалось южных регионов, граничивших с монгольскими землями [18, с. 397]. Ко времени завершения правления цинской династии в Туве уже было 22 храма [20, р. 24].

В 1864 г., согласно русско-китайскому договору (г. Тачэн / Чугучак СУАР), к царской России отошла северо-западная часть Урянхайского края. В период революций Китай и Россия делили этот регион между собой, в итоге часть тувинцев осталась в России, часть – в Монголии, часть – в СУАР КНР. Политическое разделение народа оказало определенное воздействие на его культуру. Большая часть тувинцев, вошедших позже в состав СССР, в отличие от остальных, имела сложную политическую историю. После Синьхайской революции 1911–1912 гг. в Китае пять тувинских хошунов добровольно вошли в состав Российской империи², революционные же события в России привели к созданию в 1921 г. в Народной республики Танну-Тува (с 1926 г. – Тувинская

¹ В частности, такой активностью известен Монгуш Хайдып, в конце XIX в. последовательно занимавший позиции мирена и угерды в Даа хошуне, приглашавший лам для совершения обрядов и ритуалов и инициировавший постройку хурэ в Даа хошуне [5].

² В связи с китайской революцией тувинские нойоны амбын-нойон Комбу-Доржу, Чамзы Хамбы-лама, нойон Даа-хошуна Буян-Бадьргы и другие несколько раз обращались к царскому правительству с просьбой принять Туву под свое покровительство. 4 (17) апреля 1914 г. император Николай II на докладной записке министра иностранных дел С. Д. Сазонова по вопросу о принятии населения пяти хошунов Урянхайского края под российское покровительство начертал свое высочайшее согласие, что означало установление протектората Российской империи над Тувой, которая стала называться Урянхайский край в составе Енисейской губернии.

Народная Республика (ТНР)). Ближе к завершению Великой Отечественной войны, в августе 1944 г., ТНР вошла в состав СССР как автономная область РСФСР. Подобных политических трансформаций не было у остальных тувинцев, оказавшихся за пределами современной Тувы, однако, как будет показано ниже, их развитие, в том числе духовно-религиозный фактор, зависело от курса государства, где они проживали.

Особенности этнической истории и локализации позволили тувинцам, имеющим тюркские этнические корни, все же сохранить и по-своему трактовать духовно-религиозные системы, связанные с монгольским этнокультурным компонентом – буддизмом; монгольский же историко-культурный пласт отразился на формировании названных выше культов Чингисхана и Субэдэя.

Духовно-религиозная ситуация у тувинцев РФ и КНР

Религиозно-духовная жизнь тувинцев в СССР и Китае (КНР) имела известные параллели и отличия. Более устойчивая сохранность буддизма, и особенно шаманизма, у тувинцев ТНР была обусловлена тем, что они вошли в состав СССР уже после антирелигиозной борьбы, достигшей своего апогея в 1930-х гг. В последующий советский период буддизм и шаманизм, находившиеся под запретом, сохраняли определенное влияние. То же имело место у китайских тувинцев после образования КНР в 1949 г., особо следует выделить период культурной революции (1966–1976).

Численность населения РТ, по данным на 2020 г., составляет 330 368 человек, из них более 80% – этнические тувинцы [21]. На территории СУАР КНР большая группа тувинцев проживает в районе озера Канас (Кумканас-Монгольская национальная волость), а также в Алтае (городской уезд на севере СУАР, Или-Казахский а. о.). Поселения – деревни Канас (喀纳斯村), Хэму (禾木村) и Байхаба (白哈巴村). Всего на территории Китая проживают около 3900 тувинцев [22].

Среди тувинцев традиционно преобладает школа тибетского буддизма Гелук, у российских тувинцев наблюдается присутствие иных традиций, например, Карма Кагью. Следует отметить, что активность буддийских деятелей у российских тувинцев гораздо выше, чем у их сородичей в КНР. Хотя первая буддийская община в Туве была зарегистрирована лишь в январе 1990 г., тувинцы даже в советское время могли направлять свою молодежь на учебу в главный монгольский монастырь Гандентекченлинг [23, р. 71].

Значимое событие в обществе российских тувинцев произошло в 1992 г., когда республику посетил Далай-лама, освятивший известную гору Хайыракан, издавна почитаемую шаманистами и буддистами. Важно отметить, что освящение чего-либо одним из лидеров современного буддизма формирует особый статус местности – таким образом она входит в число сакральных мест мирового буддизма. Подразумевается необходимость и возможность роста стабильного интереса к учению Будды во всей республике. В 1990-х гг. Туву посещали известные тибетские учителя: лхарамба Джамьян Кензе, министр культуры Тибетского правительства в изгнании (ТПИ) Кирти ринпоче, лама Ешей Лодой ринпоче и др., в 2000-х гг. возведением различных мандал занимались монахи монастырей Дрепунг Гоманг и Гьюме [1, с. 195–196]. Были монахи и других буддийских традиций, например японской [1, с. 197]. В Туве в 2008–2015 гг. проживал известный тибетский лама Шивалха ринпоче,

приглашенный в республику ее бывшим главой Шериг-оол Ооржаком. Руководство тувинских буддистов, как и лидеры буддийской общины Калмыкии, стремятся укреплять отношения с тибетской сангхой и ее лидерами [24, р. 393], в первую очередь – с Далай-ламой, чей представитель Тэло тулку ринпоче, глава калмыцкой сангхи, периодически бывает в Туве.

В первой половине 1990-х гг. буддизм рассматривался частью тувинского общества РФ как сущностная черта национальной идентичности и идеологии, способный повлиять на воспитание молодежи [25, р. 76–77]. Хотя специалисты отмечают неоднозначность в процессах восстановления буддизмом своего влияния [26], в последние годы фиксируется стабильный рост интереса тувинцев к этой религии; например, к 2016 г. в РТ было 19 буддийских организаций, к буддистам себя относили почти 84% тувинцев [27, с. 89].

В РТ публикуются книги о буддизме, организуются фестивали, например, Международный фестиваль живой музыки и веры «Устуу-Хурээ», который проводился с 1999 г. в г. Чадане. За 20 лет (по 2019 г.) своего существования этот фестиваль, возникший с основной целью восстановления древнего буддийского храма в Чадане, стал важным культурным событием всего региона и повлиял на укрепление буддизмом своих позиций в обществе.

Власти РТ активно поддерживают возрождение буддизма. В городской культуре современного Кызыла появились такие буддийские символы, как большой молитвенный барабан и выложенная из камней на горе Догээ мантра «Ом мани падме хум». На этой же горе в сентябре 2021 г. была установлена 12-метровая статуя Будды, сидящего в позе лотоса; еще одну статую Будды планируют возвести на горе Хавырга. В сельских районах также сооружается подобное, например, в Чаа-Хольском районе находится вырезанное по камню местными мастерами изображение Будды Амитабхи. Возводятся не только традиционные буддийские храмы хурэ, но также и родовые храмы [1, с. 200]. Последнее является также свидетельством возрождения национального сознания, и более того – ревитализации локальных связей и коммуникаций, возникающих в результате формирования религиозной общины. Таким образом, одна из особенностей современного буддизма в Туве – это постоянное формирование новых локальных культов, по хошунам и родам, укрепление местных контактов.

Власти РТ отдают должное и древним обрядам, связанным с освящением, признаваемым и в шаманизме, и в буддизме. Осенью 2019 г. глава Тувы Шолбан Кара-оол внес в Верховный хурал законопроект, согласно которому каждый руководитель РТ должен будет совершать церемонию освящения горы Бай-Тайга на Алашском плато, которую почитают приверженцы обеих конфессий [28]. Привлечение этих двух духовно-обрядовых традиций в современную общественно-политическую жизнь российских тувинцев отражает не только желание властей поддерживать подъем культуры и традиций, но и поиск шаманами и ламами поддержки со стороны государства [20, р. 26, 29].

Синкретизм наблюдается и у синьцзянских тувинцев. Это видно в убранстве единственного буддийского храма, построенного из дерева, в деревне Хэму. Например, помимо фотографий Панчен-ламы, украшенных хадаками разных цветов, имеются местные тотемы и изображения двенадцати знаков зодиака в подобном цветовом оформлении [8, р. 40] – последнее отражает влияние китайских традиций двенадцатилетнего цикла [7, р. 307]. Интересно, что в храме помимо тотемов духов природных стихий (гор, воды)

хранится тотем духа озера Канас³. Священные писания изложены на монгольском языке, а ламы, занимающиеся обрядовой стороной учения, – монголы и тувинцы⁴. Большое значение для синьцзянских тувинцев имеют традиционные табу, связанные с сакральностью и неприкосновенностью природы [29]. Вместе с тем потери, понесенные китайскими тувинцами в годы культурной революции, и современные стремительные перемены в характере и образе жизни формируют отдельные негативные тенденции в их жизни и все более отдаляют от прежних обрядов и праздников [30].

Как отмечалось, шаманизм и буддизм за прошедшие столетия немало переняли друг у друга, имеют массу проявлений в повседневной жизни тувинцев и потому получают должное признание у населения. Так, в августе 2014 г. исследовательская служба «Среда» опубликовала социологическое исследование, посвященное изучению духовного уровня у тувинцев. Как выяснилось, верующих в «традиционные» религии около 74%: 62% тувинцев исповедуют буддизм, 8% следуют шаманизму, еще 4% придерживаются положений христианства и ислама. Таким образом, около четверти тувинцев – либо неверующие, либо не определившиеся в своих духовных исканиях [31].

Сосуществование синкретических религиозных воззрений может длиться довольно долго, например, по той причине, что в них не разделяются сферы ответственности, то есть одними обрядами занимаются ламы, другими – шаманы, либо совместно [2, р. 163; 32, р. 66–67], следовательно, нет никакой необходимости в конфронтации. Подобное взаимовлияние наблюдается и у тувинцев СУАР КНР: в буддийском храме имеются отдельные шаманские предметы и символы (тотемы) [7].

Несмотря на существующий интерес к шаманизму, он уже не столь активен, как в 1990-х гг., хотя шаманы по-прежнему представлены в общественной, культурно-научной сфере РТ. Безусловно, шаманизм возрождается, и в этом ему помогает подъем интереса к буддизму. Этот процесс вызван как внешними причинами (например, активное давление со стороны христианских конфессий), так и внутренними (необходимость организационного оформления в современных условиях), и в целом определяется давней единой историей и схожей судьбой этих учений.

Буддизм и шаманизм в праздниках тувинцев

В СССР и КНР национальные праздники долго находились под запретом, но в Китае с началом реформ 1978 г. и переменами в стране проживавшие в ней народы, в том числе и тувинцы, получили право на их празднование. Лет на десять позже это стало возможно и для советских тувинцев.

В настоящее время прежние праздники и обряды, где велика роль и шаманов, и лам, продолжают сохранять свое влияние и развиваться,

³ Помимо поклонения стихиям, синьцзянские тувинцы почитают духа озера Канас – в воплощении большой красной рыбы (大红鱼) – вероятно, красного окуня; перед купанием в озере они совершают специальный обряд – пьют воду из озера и делают поклоны [33].

⁴ Китайские тувинские ламы обучаются в Лавране – известном буддийском монастыре, расположенном в Цинхае, возведенном в начале XVIII в. Чжамьян Шадбой, известным деятелем Гелук, тогда как российские тувинцы обучаются в монастыре Дрепунг Гоманг на юге Индии.

соответственно реагируя на внешние обстоятельства. Синкретизм различных традиций наиболее ярко отражается в народных праздниках.

У тувинцев РФ и КНР выделяются четыре основных традиционных праздника: *Шагаа* (чагань 查干, байцзе 白节 – праздник весны, встреча Нового года), *Майдыр-хурал* (мадел, майдээр 麦德尔 – чествование Будды грядущего Майтрейи), *Оваа дагылгазы* (ово, аобаоцзе 敖包节 – чествование местных духов у ритуального сооружения из камней с возжиганием хвороста), и *Чула* (зул, зоулу, цзоулуцзе 邹鲁节) – встреча зимы, праздник зажигания лампадок.

Праздник встречи Нового года (*Шагаа*) в целом не отличается от проводимых у соседних буддийских народов: бурятов, монголов. Поскольку этот праздник имеет не только сезонное значение, но и религиозное, то участие в нем шаманов и лам – давняя традиция, как и совершение особенных действий: подношение алтарю, действия очистительного характера, одаривание хадаками и т. п. [34]. Но есть локальные особенности: если на алтарях (а также в храмах) у российских тувинцев, кроме фигурок буддийских божеств, имеются снимки Далай-ламы XIV, то у китайских – Панчен-ламы X. Последний пример связан с политикой руководства КНР по отношению к Далай-ламе, обвиняемому в антигосударственной деятельности, тогда как Панчен-лама, с детства воспитанный в духе патриотизма и преданности идеям КПК, олицетворяет современный тибетский буддизм в Китае.

Этот праздник весны у тувинцев полностью отражает религиозные верования, обычаи и традиционную культуру. Как правило, его отмечают у значимых мест, например, китайские тувинцы идут к озеру Канас, где проходят спортивные состязания: скачки, стрельба из лука, борьба, катание на лыжах и санях. Праздничное застолье сопровождается чтением буддийских сутр ламами [7]. Определенная «буддизация» праздника проявляется в том, что тувинцы – как российские, так и синьцзянские – верят, что накануне этого события Будда на колеснице объезжает всю Землю [34, с. 121; 5, с. 351]. Возможно, здесь сказывается давнее влияние китайской культурной традиции, согласно которой божество на колеснице объезжает весь мир (например, богиня Запада Сиванму, везущая солнце). В первый день Нового года аалы (родовые группы или административные единицы) на своих землях приносят жертву *оваа*, тем самым умиловывая локальных духов (*шер эзи* – хозяев мест) [5, с. 352].

Поклонению *оваа* посвящен и отдельный праздник, который проводится в разное время практически в каждом населенном пункте, *оваа* можно встретить у тувинцев повсеместно. *Оваа* играет важную коммуникативную роль в системе отношений с духами и предками, поскольку связан с культурами плодородия и здоровья и изначально проводился с целью умиловывания духов гор и поддержания природного равновесия⁵. Культ *оваа* объединял разные роды и семейства, такая же роль была близка буддизму: он традиционно выступал против раздробленности, что помогло религии на первых порах становления и в Индии, где буддисты были «потенциальными союзниками правителей древнеиндийских государств в борьбе с племенной раздробленностью» [35, с. 235]. Этот праздник и прежде, и сейчас сопровождается такими мероприятиями, как скачки, борьба *хуреш*, исполнение

⁵ Согласно современным представлениям тувинцев *оваа* также сооружается с целью привлечения удачи и богатства.

танцев и песен. *Оваа* могут также выступать в качестве межевых знаков и часто соседствуют со ступами [36]. У китайских тувинцев праздником руководит лама, что, вероятно, обуславливает определенные ограничения [6, с. 212, 367]. У российских может присутствовать и шаман – он не только просит у «хозяев местности» покровительства в получении приплода или иной помощи, но также выполняет функции, присущие ламам; следовательно, у российских тувинцев этот праздник отмечается с большим многообразием и богатством ритуалов.

Майдыр-хурал посвящен почитанию грядущего Будды – бодхисаттвы Майтрейи⁶. Праздник является исключительно буддийским, что проявляется в двух важных ритуалах – вынос фигуры бодхисаттвы Майтрейи из хурээ и исполнение мистерии Цам [37]. Для проведения праздника требуется немало лам, прошедших обучение для участия в таком сакральном событии. Российские тувинцы отмечают *Майдыр-хурал* летом, у китайских он завершает *Шагаа*, отмечается на пятнадцатый день Нового года и соотносится с праздником фонарей [7].

Праздник *Чула* (Зоулу / Зулу) посвящен почитанию ламы Цзонкхапы, основателя учения Гелук; китайские тувинцы также чествуют в эти дни «живого будду» Махакалу (дхармапала, защитник учения). Обязательным действием является зажигание лампад. Считается, что именно в этот день каждый становится на год старше [9]. Во время празднования этого события, иных праздников и крупных событий, проводятся различные традиционные жертвоприношения. При этом все действия, связанные с ритуальной стороной, совершаются ламами, специализирующимися на буддийских обрядово-культурных практиках. Интересно заметить, что в наши дни в СУАР организацией основной части традиционных праздников руководит лама Мунке Баир (蒙克巴依尔), глава объединения алтайских тувинцев Синьцзяна, являющийся также членом Народного политического консультативного совета КНР (НПКСК).

В настоящее время в культуре тувинцев, проживающих в России и Китае, наблюдаются как аналогичные, так и отличительные явления и процессы, обусловленные историческими предпосылками и влиянием социально-культурного окружения. Синкретизм проявляется в их регионах по-разному. Среди общих и отличительных черт при проведении сезонных и религиозных праздников можно назвать следующие: все четыре праздника – *Шагаа*, *Майдыр-хурал*, *Оваа*, *Чула* – отмечаются тувинцами РФ и КНР; у синьцзянских тувинцев праздник *Оваа* более ограничен самим культом, тогда как у российских праздник отмечается широко, с совершением других обрядов. Свое влияние оказывает и политический контекст: если в храмах и на алтарях китайских тувинцев представлены портреты Панчен-ламы, то у российских – Далай-ламы.

Содержание праздников позволяет обнаружить особый тип синкретизма – наличие долгосрочного сложного процесса взаимовлияния традиций сезонных и религиозных мероприятий и действий, общественно-политической повестки – и формирование на такой синкретичной основе нового

⁶ Интересно отметить, что, согласно китайским специалистам, этот праздник является наследием культурного влияния ойратов [7].

мировосприятия. Его основной чертой является открытость и гибкость, что характерно для пограничных зон. Такое мировосприятие дает начало новым традициям и культурам.

Культы Субэдэя и Чингисхана

Выше шаманско-буддийские культы были рассмотрены как составляющая духовной культуры тувинцев, здесь речь пойдет об обрядово-культурных практиках в качестве отражения исторического прошлого этого народа. Пожалуй, самым необычным, но значительным проявлением влияния монгольского прошлого как на мировоззрение, так и на обрядность тувинцев РФ и КНР является культ двух героических фигур – Субэдэя и Чингисхана.

Российские тувинцы уверены, что известный полководец Субэдэй, творец многих побед Чингисхана, был тувинцем (из урянхаев). Они зовут его *Субедей-маадыр*, и уводят происхождение его имени (в форме Сумээтей) к таким понятиям в своем языке, которые обозначают «советник» или «наставник». В честь героя называются организации и целые комплексы. Так, в Кызыле построен спорткомплекс «Субедей» (ГАУ спортивной школы). Существует молодежное движение «Субедей», образованное в 2011 г. при активном участии ламы Шолбан-башкы⁷. Цель его – возрождение прежних традиций, мировоззрения, *Сарыг шажын* и родного языка. Оно имеет тесную связь с ламами, в частности с Шивалха-ринпоче.

В сентябре 2018 г. открылась четырехметровая статуя Субэдэя в этнокультурном комплексе Улуг-Хемского района РТ. Здесь уже представлены такие знаковые культурные сооружения, как ступа, трехметровая статуя Будды, тенгрианские сооружения, так что появление там нового памятника выглядит вполне уместно и логично.

У тувинцев КНР не наблюдается культ Субэдэя, но чрезвычайно развит культ Чингисхана. Согласно преданию, во время западного похода Чингисхан со своим отрядом решил остановиться на отдых у упоминавшегося выше озера Канас. Испив воды, он утолил жажду и поинтересовался у местных, что это за вода. Ему ответили, что это «ханская / каганская вода» (可汗的水), тогда Чингисхан назвал озеро Канаус / Канас. После смерти Чингисхана его тело погрузили в воды озера, а воины остались жить на его берегу. И с тех пор тувинцы считают, что они являются потомками людей из отряда Чингисхана, которые остались жить у озера, чтобы вечно охранять «гробницу» великого хана [38]. У озера есть свой «призрак» (湖怪 или 湖圣), охраняющий душу Чингисхана. Вероятно, что указанный выше дух озера Канас и есть этот «призрак», с ним связано немало историй и легенд [33], а обряд питья воды из озера напрямую связан с упоминавшимся выше случаем из жизни Чингисхана.

На наш взгляд, в содержании культов этих исторических персонажей наблюдается конвергенция шаманистских и буддийских представлений, а в поклонении им – синтез социально-культурных и бытовых практик и действий. По сути, в них предстает накопленный народом исторический опыт, призванный способствовать прежде всего сохранению преемственных связей с

⁷ С 2019 г. оно известно как Тувинское региональное общественное молодежное движение за возрождение и развитие буддийских традиций и культуры «Субедей».

прошлым. В связи с этим неудивительно, что тувинцы КНР почитают Чингисхана как прародителя⁸, в каждом доме есть картина с его изображением в виде охотника⁹.

Несколько иные коннотации можно проследить в культе Субэдэя. Например, в конце октября 2019 г. состоялась презентация книги «Субедей. Великий урянхайский полководец», написанной известным тувинским ученым К. А. Бичелдеем. На ее презентации Председатель парламента Тувы Кан-оол Даваа сказал: «Образ великого полководца всегда вызывал в республике особый интерес. Личность Субедея до сих пор играет огромную роль в самоидентификации тувинского народа, воспитании подрастающего поколения республики»¹⁰. Акцент на самоидентификацию народа через культ полководца и его роль в воспитании позволяет выделить более перспективный, нежели ретроспективный (в случае с культом Чингисхана) контекст поклонения. Поэтому в данном случае исторический опыт призван способствовать преодолению существующих или потенциальных трудностей.

Указанное, в свою очередь, позволяет заключить, что, несмотря на упомянутую выше духовно-мировоззренческую конвергенцию и даже наличие культа дхармапалы Махакалы (обусловлено монгольским влиянием) у китайских тувинцев, культ Чингисхана содержит в своей основе существенный шаманистский элемент (акцент на прошлое), тогда как культ Субэдэя практикуется скорее в буддийском контексте (акцент на будущее).

Любопытное исследование, проведенное недавно в социальных сетях РТ, показывает, что восприимчивость местных жителей к переменным религиозностям увеличилась. Это может быть связано с синкретическими отношениями между буддизмом и традиционными местными культурами [39, р. 216]. Иначе говоря, появление и развитие у тувинцев новых культов только тогда может быть устойчивым и перспективным, когда выполняется особенное условие: они, будучи историко-культурным продуктом, должны в себе воспроизводить историю, предшествовавшие мероприятия и действия (праздники, религии, культы). Формирование в далеком прошлом и активная презентация в настоящее время культов этих полководцев, исторических персонажей, находящихся вне стандартной шаманско-буддийской обрядово-культовой практики, дает возможность народу обрести особую устойчивую традицию, или практику, при которой народные культы и праздники могут без ущерба восприниматься и как буддийские инновации, и как производные от других религий, при этом пользоваться поддержкой государства. Культы Субэдэя и Чингисхана представляют собой надрелигиозные и внетерриториальные феномены, всепроникающие и не зависящие от воли шамана, ламы или политика.

⁸ Впрочем, российские тувинцы также сохраняют память о Чингисхане: среди них имеется род *чооду*, который, как принято считать, уходит своим происхождением к XIII в. и имеет отношение к Бату, внуку Чингисхана.

⁹ Вероятно, это отражает также связь с охотой и охотничьими соревнованиями – основной традицией, в которой сохранились исконно тувинские обычаи [7].

¹⁰ В Туве презентована книга «Субедей. Великий урянхайский полководец»: <http://www.khural.org/press/news/5129/>

Заклучение

Несмотря на древние корни, становление тувинцев как народа началось со второй половины XVIII в. в условиях цинской системы управления и формирования национальной идентичности подданных империи. Последнее обстоятельство, а также богатое духовное и религиозное наследие позволило народу, несмотря на этнорелигиозное воздействие соседних тюркских народов, удерживаться в пределах монголо-буддийского мира.

При сохраняющейся роли шаманизма буддизм становится всепроникающей идеологией, являя различного рода новейшие феномены. Ожидаемый встречный процесс, а именно интерес народа к своему прошлому, также выступает инициатором подъема влияния буддизма: образуются соответствующие общества, возводятся культовые сооружения, зарождаются локальные культы, т. е. создается фундамент ожидаемых перемен. Буддизм давно стал частью традиционных верований тувинцев, наряду с шаманизмом формируя духовный мир народа.

Проведенное исследование позволило дать принципиально новую трактовку сущности проявлений буддизма в традиционных праздниках и иных культурных явлениях у тувинцев РТ РФ и СУАР КНР. Эти проявления следует соотносить со следующими факторами: 1) объективным влиянием этой религии в ранние периоды истории народа (уйгурский период, роль ойратской Джунгарии и Цинской империи); 2) многовековой ролью шаманизма; 3) спецификой этнической истории народа; 4) актуализацией духовной стороны обрядово-сезонных и культурных праздников для обозначения своего места в традициях мирового буддизма (в чем велика роль буддийских учителей), а также в целях сохранения общественно-политических ценностей (актуализация проблем идентичности народа и перспектив развития) – последнее также связано с влиянием внешнего мира. В современных условиях такие феномены возрождаются при влиянии на них либо личностного (Далай-лама, Панчен-лама, Чингисхан, Субэдэй), либо политико-географического факторов (тувинцы в условиях РФ и КНР).

Политическое состояние тувинцев определили особенности проявления буддизма и шаманизма в их культуре: если в цинский (и в постцинский) период росло комплексное влияние культуры соседней Монголии, то с началом советского периода (в составе СССР и КНР) стала преобладать роль коммунистической идеологии. В настоящее время у российских и китайских тувинцев наблюдается влияние властей на формы и методы проведения празднеств и обрядов: в РФ, ввиду обладания тувинцами своим субъектом Федерации – руководства республики, в КНР – членов НПКСК. Сами обряды, шаманистские или буддийские, и сам культ как таковой тем или иным образом сакрализируются авторитетом высших духовных иерархов Гелук. Однако культы Субэдэя (у российских тувинцев) и Чингисхана (у китайских тувинцев) обладают особой значимостью и основанием. Эти культы, тесно связанные с историческим прошлым народа, своим появлением являют его стремление обозначить свою культурную инаковость (особенность) на уровне «разлома». Религия или духовные практики – это духовное наследие *предков* тувинцев, выработанное во взаимодействии с соседними народами. Привлечение авторитета тибетских лидеров способствует повышению статусности региона в буддийском мире, а культы указанных полководцев – это и уважение к своему историческому прошлому, и определенный культурный код и способ самоидентификации народа в меняющейся действительности.

Как нам представляется, именно эти два культа способны дать новые перспективы обществу и, вероятно, установить особый уровень коммуникации между общинами тувинцев в РФ и КНР. Хотя в праздниках и обрядах буддизм может испытывать воздействие политики государства (например, отношение к Далай-ламе и Панчен-ламе), а шаманизм – «подчиняться» первому, культуры Субэдэя и Чингисхана, несмотря на их религиозные коннотации, призваны восприниматься вне религии и независимо от политики как способы к воссозданию вертикальных и горизонтальных коммуникационных контактов во всех сферах жизни современного тувинского общества в указанных странах.

Литература

1. Монгуш М. Конфессиональная ситуация в постсоветской Туве. *Acta Slavica Iaponica*. 2009;26:191–204.
2. Lindquist G. Allies and Subordinates: Religious Practice on the Margins between Buddhism and Shamanism in Southern Siberia. *On the Margins of Religion*. New York: Berghahn Books; 2008. P. 153–168.
3. Хомушку О. М. *Религия в культуре народов Саяно-Алтая*. М.: Изд-во Рос. акад. гос. службы; 2005. 225 с.
4. Бавуу-Сюрюн М. В. Социолингвистические заметки о тувинцах Китая. *Новые исследования Тувы*. 2011;1:135–142.
5. Монгуш М. В. *Один народ: три судьбы: Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте*. Осака: Национальный музей этнологии; 2010. 358 с.
6. Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск: Наука; 2018. 400 с.
7. Li Yu. Xinjiang tuwaren chuantong jieri fengsu yanjiu (Study of traditional holidays of Tuvans in Xinjiang). *Xinjiang shizhi* (Xinjiang History Journal). 2014;1:307–308. (На кит. яз.)
8. Cheng Shilang. Xinjiang Aertai shanqu de tuwaren (Tuvans of Xinjiang, Altai highlands). *Zhexue shehui kexue* (Social and Philosophy Studies). 1994;5:39–42. (На кит. яз.)
9. Liu Jie, Tu Jian. Xinjiang Aletai diqu tuwaren yishi yanjiu (Rituals of Tuvans in Xinjiang, Altai region). *Wenhua luntan* (Cultural forum). 2017. – URL: <https://www.docin.com/p-1526070309.html> (дата обращения 24.09.2021) (На кит. яз.) DOI: 1007-0125(2014)07-0355-01
10. Катанов Н. Ф. *Опыт исследования урянхайского языка с указанием важнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня*. Казань – Москва: Типо-литография Императорского университета; 1903. 775 с.
11. Родевич Вс. *Очерк Урянхайского края*. СПб.: Типография Министерства путей сообщения; 1910. 268 с.
12. Вайнштейн С. И. *Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки*. М.: Восточная литература; 1961. 216 с.
13. Вайнштейн С. И. Очерк этногенеза тувинцев. *Ученые записки Тувинского НИИ языка и литературы (ТНИИЯЛИ)*. 1957;5:178–214.
14. Маннай-оол М. Х. *Тувинцы. Происхождение и формирование этноса*. Новосибирск: Наука; 2004. 166 с.
15. Crossley P. K. *Making Mongols. Empire at the Margins: Culture, Ethnicity, and Frontier in Early Modern China*. Ed. by P. K. Crossley, H. F. Siu, D. S. Sutton. Berkeley: University of California Press; 2006. P. 58–82.

16. Crossley P. K. Introduction. *Empire at the Margins: Culture, Ethnicity, and Frontier in Early Modern China*. Ed. by P. K. Crossley, H. F. Siu, D. S. Sutton. Berkeley: University of California Press; 2006. P. 1–26.

17. Piatigorsky A. Buddhism in Tuva: Preliminary Observation on Religious Syncretism. In: Skorupski Ł. (ed.) *The Buddhist Heritage*. Tring: The Institute of Buddhist Studies; 1989. P. 219–228.

18. Потапов Л. П. *Очерки народного быта тувинцев*. М.: Наука; 1969; 402 с.

19. Торгоев А. И. Этносоциальные процессы в южной и юго-восточной Туве (по материалам экспедиций 2003–2004 гг.). *Сибирь на рубеже тысячелетий. Традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов*. СПб.: Европейский дом; 2005. С. 109–128.

20. Walters Philip. Religion in Tuva: Restoration or Innovation? *Religion, State and Society*. 2001;29(1):23–38. <https://doi.org/10.1080/09637490120061877>

21. *Население Республики Тыва: численность, крупные города* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.statdata.ru/naselenie/respubliki-tyva> (дата обращения: 28.04.2021)

22. Tuva population [Internet resource]. – URL: https://www.joshuaproject.net/people_groups/15668 (accessed: 28.04.2021)

23. Barkmann Udo B. The Revival of Lamaism in Mongolia. *Central Asian Survey*. 1997;16(1):69–79. <https://doi.org/10.1080/02634939708400971>

24. Holland Edward C. Buddhism in Russia: challenges and choices in the post-Soviet period. *Religion, State and Society*. 2014; 42(4):389–402. <https://doi.org/10.1080/09637494.2014.980603>

25. Sullivan S. Interethnic Relations in Post-Soviet Tuva. *Ethnic and Racial Studies*. 1995;18(1):64–88. <https://doi.org/10.1080/01419870.1995.9993854>

26. Бичелдей У. П. Буддийская традиция в Туве: некоторые вопросы истории, современное состояние и перспективы развития. *Буддизм Ваджраяны в России. Актуальная история и социокультурная аналитика*. М.: Алмазный путь; 2020. С. 201–209.

27. Тензин, Чодураа Мочак-Хаевна. Буддизм в духовной жизни тувинского общества. *Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия*. 2018;3(1):87–93. DOI: 10.18101/1994-0866-2018-1-3-87-93

28. Приймак А. Дух Чингисхана овладевает Сибирью. Народные верования претендуют на руководящую и направляющую роль в регионах [Электронный ресурс]. *Независимая*. 04.06.2019. – URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2019-06-04/14_465_syberia.html (дата обращения: 27.09.2020).

29. Nankuai Modege. Lun Xinjiang tuwaren minjian xinyang he jihui yu shengtai guanxi (Ecology and taboos in religion beliefs of Xinjiang Tuvans). *Xinjiang daxue xuebao. Zhexue, renwen shehui kexueban (Bulletin of Xinjiang University. Philosophy, Humanities, Social Studies)*. 2007;35(3):82–85. (На кит. яз.) DOI: 10.3969/j.issn.1000-2820.2007.03.018

30. Hou Yuxin. Saving our Identity: An Uphill Battle for the Tuva of China. *Cultural Survival*. December 2013. – URL: <https://www.culturalsurvival.org/publica>

tions/cultural-survival-quarterly/saving-our-identity-uphill-battle-tuva-china (accessed: 14.12.2020).

31. Республика Тыва: буддизм, молодость, бедность и невысокий уровень патриотизма [Электронный ресурс]. Среда. – URL: <http://sreda.org/arena-news/respublika-tyiva-buddizm-molodost-bednost-i-nevyisokiy-uroven-patriotizma> (дата обращения: 23.09.2020).

32. D'iakonova V. P. Lamaism and Its Influence on the Worldview and Religious Cults of the Tuvans. *Anthropology and Archeology of Eurasia*. 2001;4:66–67. <https://doi.org/10.2753/AAE1061-1959390452>

33. Kanasi hu shuiguai: Kanasi hu yanjiu [Mystery of Kanas Lake: Kanas research]. *Baidu baike*. 2012. – URL: <https://baike.baidu.com/item/喀纳斯湖水怪/3204228> (accessed: 04.12.2020). (На кит. яз.)

34. Конгу А. А. Ритуально-обрядовые действия во время Шагаа. *Новые исследования Тувы*. 2015;1:120–129.

35. Бонгард-Левин Г. М. *Индия эпохи Маурьев*. М.: Наука; 1973. 736 с.

36. Кужугет А.К. Тувинский летний праздник оваа дагыыры. *Ученые записки Тувинского института гуманитарных исследований (ТИГИ)*. 2002;19:67–76.

37. Ондар И. Звонящая нежность танца. *Родина*. 2014;7:78.

38. Kanasi hu. Tuwaren de mimi [Kanas Lake. Mystery of Tuvans]. *Baidu wenku*. 03.07.2020. URL: <https://wenku.baidu.com/view/f9935b433369a45177232f60ddccda38366be164.html#> (accessed: 04.12.2020). (На кит. яз.)

39. Purzycki B. G., Kulundary V. Buddhism, identity, and class: fairness and favoritism in the Tuva Republic. *Religion, Brain & Behavior*. 2017;8(2):205–226. <https://doi.org/10.1080/2153599X.2016.1267031>

Информация об авторах

Китинов Баатр Учаевич – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; <https://orcid.org/0000-0003-4031-5667>, kitinov@mail.ru

Люлина Анастасия Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов; научный сотрудник отдела истории и культуры Древнего Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; <https://orcid.org/0000-0003-0634-8844>, alyulina88@gmail.com

Author's Links

Заявленный вклад авторов

Китинов Б. У.: 60% – основной текст, работа с русскоязычными и англоязычными источниками, определение роли буддизма у тувинцев.

Люлина А. Г.: 40% – работа с литературой на китайском языке, рассмотрение роли шаманизма у тувинцев, форматирование и корректировка текста.

Раскрытие информации о конфликте интересов
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 26 января 2022. Одобрена после рецензирования: 15 марта 2022. Принята к публикации: 20 марта 2022. Опубликовано: 30 марта 2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Mongush M. Confessional Situation in Post-Soviet Tuva. *Acta Slavica Iaponica*. 2009;26:191–204. (In Russ.)
2. Lindquist G. Allies and Subordinates: Religious Practice on the Margins between Buddhism and Shamanism in Southern Siberia. *On the Margins of Religion*. New York: Berghahn Books. 2008, pp. 153–168.
3. Khomushku O. M. *Religion in the culture of the peoples of the Sayano-Altai*. Moscow: Publ. house of the Russian academy of public service; 2005. 225 p. (In Russ.)
4. Bavuu-Syryun M. V. Sociolinguistic notes about the Tuvans in China. *The new research of Tuva*. 2011;1:135–142. (In Russ.)
5. Mongush M. V. *One people, three fates. Tuvans of Russia, Mongolia and China in comparative perspective*. Osaka: National Museum of Ethnology; 2010. 358 p. (In Russ.)
6. Yusha Zh. M. *Folklore and ritual of the Tuvans of China at the beginning of the 21st century: Structure. Semantics. Pragmatics*. Novosibirsk: Nauka; 2018. 400 p. (In Russ.)
7. Li Yu. Xinjiang tuwaren chuantong jieri fengsu yanjiu (Study of traditional holidays of Tuvans in Xinjiang). *Xinjiang shizhi (Xinjiang History Journal)*. 2014;1:307–308. (In Chin.)
8. Cheng Shilang. Xinjiang A'ertai shanqu de tuwaren (Tuvans of Xinjiang. Altai highlands). *Zhexue shehui kexue (Social and Philosophy Studies)*. 1994;5:39–42. (In Chin.)
9. Liu Jie, Tu Jian. Xinjiang Aletai diqu tuwaren yishi yanjiu (Rituals of Tuvans in Xinjiang, Altai region). *Wenhua luntan (Cultural forum)*. 2017. – URL: <https://www.docin.com/p-1526070309.html> (accessed 24.09.2021) (In Chin.) DOI: 1007-0125(2014)07-0355-01
10. Katanov N. F. *Experience in the study of the Uriankhai language, indicating its most important relationship to other languages of the Turkic root*. Kazan – Moscow: Tipo-litografija Imperatorskogo universiteta; 1903. 775 p. (In Russ.)

11. Rodevich Vs. *Essay on the Uryankhai region*. St. Petersburg: Tipografija Ministerstva putej soobshhenija; 1910. 268 p. (In Russ.)

12. Vainshtein S. I. *Tuvans-Todzhans. Historical and ethnographic essays*. Moscow: Vostochnaya literatura; 1961. 216 p. (In Russ.)

13. Vainshtein S. I. Essay on the ethnogenesis of the Tuvans. *Uchenye zapiski TNUJJaLI (Scientific notes of The Tuva Research Institute of Language and Literature)*. 1957;5:178–214. (In Russ.)

14. Mannai-ool M.Kh. *Tuvans. Origin and formation of the ethnos*. Novosibirsk: Nauka; 2004. 166 p. (In Russ.)

15. Crossley P. K. Making Mongols. *Empire at the Margins: Culture, Ethnicity, and Frontier in Early Modern China*. Ed. by P. K. Crossley, H. F. Siu, D. S. Sutton. Berkeley: University of California Press; 2006, pp. 58–82.

16. Crossley P. K. Introduction. *Empire at the Margins: Culture, Ethnicity, and Frontier in Early Modern China*. Ed. by P. K. Crossley, H. F. Siu, D. S. Sutton. Berkeley: University of California Press; 2006, pp. 1–26.

17. Piatigorsky A. Buddhism in Tuva: Preliminary Observation on Religious Syncretism. In: Skorupski Ł. (ed.) *The Buddhist Heritage*. Tring: The Institute of Buddhist Studies; 1989, pp. 219–228.

18. Potapov L. P. *Essays on the folk culture of Tuvans*. Moscow: Nauka; 1969. 402 p. (In Russ.)

19. Torgoev A. I. Ethno-social processes in southern and south-eastern Tuva (based on the materials of the expeditions 2003–2004). *Sibir' na rubezhe tysjacheletij. Tradicionnaja kul'tura v kontekste sovremennyh ekonomicheskikh, social'nyh i etnicheskikh processov (Siberia at the turn of the millennium. Traditional culture in the context of modern economic, social and ethnic processes)*. SPb.: Evropejskij dom; 2005, pp. 109–128. (In Russ.)

20. Walters Philip. Religion in Tuva: Restoration or Innovation? *Religion, State and Society*. 2001;29(1):23–38. <https://doi.org/10.1080/09637490120061877>

21. *Population of the Tuva Republic: population, large cities* [Electronic resource]. – URL: <http://www.statdata.ru/naselenie/respubliki-tyva> (accessed: 28.04.2021) (In Russ.)

22. *Tuva population* [Internet resource]. URL: https://www.joshuaproject.net/people_groups/15668 (accessed: 28.04.2021).

23. Barkmann Udo B. The Revival of Lamaism in Mongolia. *Central Asian Survey*. 1997;16(1):69–79. <https://doi.org/10.1080/02634939708400971>

24. Holland Edward C. Buddhism in Russia: challenges and choices in the post-Soviet period. *Religion, State and Society*. 2014;42(4):389–402. <https://doi.org/10.1080/09637494.2014.980603>

25. Sullivan S. Interethnic Relations in Post-Soviet Tuva. *Ethnic and Racial Studies*. 1995;18(1):64–88. <https://doi.org/10.1080/01419870.1995.9993854>

26. Bicheldey W. P. Buddhist tradition in Tuva: some issues of history, current state and development prospects. *Buddizm Vadzhrajany v Rossii. Aktual'naja istorija i sociokul'turnaja analitika. (Vajrayana Buddhism in Russia. Current history and sociocultural analytics)* Moscow: Almaznyj put'; 2020, pp. 201–209. (In Russ.)

27. Tenzin, Choduraa M.-Kh. Buddhism in spiritual life of Tuvan society. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologija*.

Filosofija (*Bulletin of the Buryat State University. Pedagogy. Philology. Philosophy*). 2018;3(1):87–93. (In Russ.) DOI: 10.18101/1994-0866-2018-1-3-87-93

28. Priymak A. The spirit of Genghis Khan takes possession of Siberia. Folk beliefs claim a leading and guiding role in the regions [Electronic resource]. *Nezavisimaja*. 04.06.2019. – URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2019-06-04/14_465_syberia.html (accessed: 27.09.2020). (In Russ.)

29. Nankuai Modege. Lun Xinjiang tuwaren minjian xinyang he jihui yu shengtai guanxi (Ecology and taboos in religion beliefs of Xinjiang Tuvans). *Xinjiang daxue xuebao. Zhexue, renwen shehui kexueban* (*Bulletin of Xinjiang University. Philosophy, Humanities, Social Studies*). 2007;35(3):82–85. (In Chin.) DOI: 10.3969/j.issn.1000-2820.2007.03.018

30. Hou Yuxin. Saving our Identity: An Uphill Battle for the Tuva of China. *Cultural Survival*. December 2013. – URL: <https://www.culturalsurvival.org/publications/cultural-survival-quarterly/saving-our-identity-uphill-battle-tuva-china> (accessed: 14.12.2020).

31. Republic of Tuva: Buddhism, youth, poverty and a low patriotism [Electronic resource]. *Sreda*. – URL: <http://sreda.org/arena-news/respublika-tyiva-buddizm-molodost-bednost-i-nevyisokiy-uroven-patriotizma> (accessed: 23.09.2020). (In Russ.)

32. D'iakonova V. P. Lamaism and Its Influence on the Worldview and Religious Cults of the Tuvans. *Anthropology and Archeology of Eurasia*. 2001;4:66–67. <https://doi.org/10.2753/AAE1061-1959390452>

33. Kanasi hu shuiguai: Kanasi hu yanjiu (Mystery of Kanas Lake: Kanas research). *Baidu baike*. 2012. – URL: <https://baike.baidu.com/item/喀纳斯湖水怪/3204228> (accessed: 04.12.2020). (In Chin.)

34. Kongu A. A. Ritual ceremonial spectacles of shagaa. *The new research of Tuva*. 2015;1120–129. (In Russ.)

35. Bongard-Levin G. M. *India under the Mauryan Rule*. Moscow: Nauka; 1973. 736 p. (In Russ.)

36. Kuzhuget A. K. Tuvian summer holiday of ovaa dagry. *Uchenye zapiski TIGI* (*Scientific notes of the Tuva Institute for Humanitarian Research*). 2002;19:67–76. (In Russ.)

37. Ondar I. Ringing tenderness of dance. *Rodina*. 2014;7:78. (in Russ.)

38. Kanasi hu. Tuwaren de mimi (Kanas Lake. Mystery of Tuvans). *Baidu wenku*. 03.07.2020. – URL: <https://wenku.baidu.com/view/f9935b433369a45177232f60ddccda38366be164.html#> (accessed: 04.12.2020). (In Chin.)

39. Purzycki B. G., Kulundary V. Buddhism, identity, and class: fairness and favoritism in the Tyva Republic. *Religion, Brain & Behavior*. 2017;8(2):205–226. <https://doi.org/10.1080/2153599X.2016.1267031>

Information about the authors

Baatr U. Kitinov – Dr. habil. (Hist.), Associate Professor, Leading Research Fellow, Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0003-4031-5667>, kitinov@mail.ru

Author's Links

Anastasia G. Lyulina – Ph. D. (Hist.), Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia; Research Fellow, Department of Antient Orient, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0003-0634-8844>, alyulina88@gmail.com

Authors contributed

Baatr U. Kitinov: 60% – the main text, research of the Russian and English sources, defining the role of Buddhism among Tuvans.

Anastasia G. Lyulina: 40% – research materials in Chinese, consideration of the role of shamanism among Tuvans, formation and correction of the text.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: January 26, 2022. Approved after peer reviewing: March 15, 2021. Accepted for publication: March 20, 2021. Published: March 30, 2021.

The authors has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.